

Человек нестигаемой роли

Коммерсантъ - 2005 - 9 янв. - с. 21.

некролог

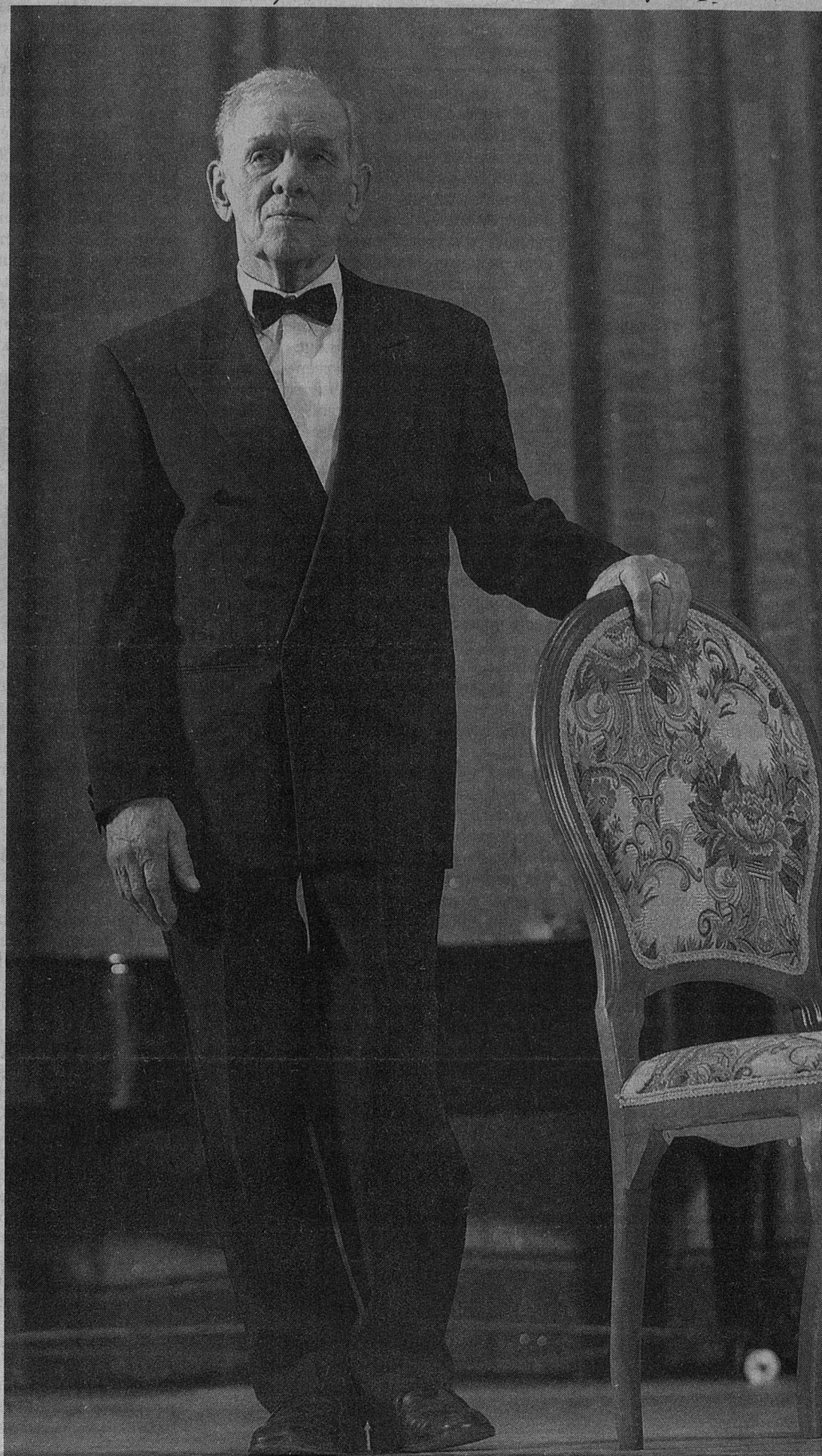
(Окончание. Начало на стр. 1)

В 1932 году Георгий Жженов поступил в мастерскую Сергея Герасимова в Ленинградском институте сценических искусств, снимался в небольших ролях, зато в громких фильмах: в «Чапаеве» (1934) играл Тимошку, адъютанта Фурманова. На съемки «Комсомольска» (1938) по просьбе Сергея Герасимова его отпустил уже НКВД. Ехать-то ему полагалось в ссылку: Борис уже сидел, он погибнет в Воркуте в 1943 году, тогда же в Мариуполе румынские оккупанты убьют второго брата. Жженов считал, что живет с тех пор за троих.

Вернувшись со съемок, он был арестован, попросил жену не ждать его, прошел пытки в «Крестах». Не забыл и не простил ничего. В перестройку опубликовал рассказы, по градусу ужаса и зоркости взгляда сравнимые с прозой Варлама Шаламова. Поехал с режиссером Сергеем Мирошниченко по Колыме. В телефильме «Русский крест» из-под невозмутимой маски актера сверкнул отчаянный оскал, как его звали блатные, «мутного фраера», с которым лучше не связываться: неизвестно, как ответит на наезд. Освободившись с Колымы в 1945 году, играл в Первом заполярном театре драмы (1945–1946), по ходатайству не забывшего его Герасимова, работал на Свердловской киностудии (1947–1948), после ее перевода в Москву, куда путь ссыльному был заказан, в Театре драмы Павлова-на-Оке, откуда его и взяли повторно и отправили в пожизненную ссылку. В ожидании смерти Сталина играл в Норильском театре вместе с прятавшимся там от репрессий «за плен» опасливым Иннокентием Смоктуновским. Жженов буквально выпихивал его, чтобы такой талант не пропал, в Москву с рекомендательными письмами к другу юности Аркадию Райкину.

В 1955 году он вернулся в Ленинград, играл в областном театре на Литейном, Театре имени Ленсовета, в 1968 году Юрий Завадский пригласил его в Москву — играть в пьесе «Бегство от жизни» последние дни Льва Толстого. Пьесу закрыли, но Театр имени Моссовета стал для Жженова домом на 35 лет.

Бывают в жизни странные рифмы. Жженова посадили как «американского шпиона»: в трансибирском поезде актеры выпивали с американским военно-морским атташе. В своей «второй жизни» он был са-

По мощности его экранных образов Георгия Жженова можно сравнивать разве что с кумирами голливудского «золотого века» фото ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

мым «американским» актером советского кино. Сравнить его можно лишь со звездами «золотого века» Голливуда — Хамфри Богартом, Джеймсом Стюар-

том. Он не «перевоплощался». Он наполнял экран гордым индивидуализмом, сдержанной мужественностью, умудренной проницательностью взгля-

да, весомостью присутствия в любой роли. Он гордился, что писатель Джеймс Олдридж представлял именно его в роли летчика из «Последнего дю-

ма», а американец-консультант на съемках «Всей королевской рати» (1972) Наума Ардашников и Александра Гуткевича назвал его лицо «самым американским». Роль демагога-губернатора Вилли Старка, воплощенного властного безумия, он справедливо считал лучшей в жизни. Дрожь пробирает, когда Вилли камлает перед толпой: «Кровь! Я вижу кровь на Луне! Дайте мне топор!»

Про другие роли он говорил, не жалуясь, а констатируя: «Я играл лишь то, что не могли переварить Олег Ефремов, Михаил Ульянов и еще Евгений Матвеев». Неизменно достойно Жженов играл в крепком жанровом кино. Военном («Горячий снег», 1973), шпионском («Меченый атом», 1972), историко-революционном («Гибель эскадры», 1965), производственном («Выбор цели», 1974). Даже в первом советском как бы фильме катастроф «Экипаж» (1980). Два персонажа резко выделялись из череды сыгранных им суровых и благородных мужчин: автоинспектор, преследующий вора Деточкина, но понимающий его, в «Берегись автомобиля» (1966) Эльдара Рызанова и белоэмигрант граф Тульев в «Ошибке резидента» (1968) Вениамина Дормана. В четырех фильмах о резиденте Жженов играл не шпиона, пропагандированного КГБ, а ломаную русскую судьбу XX века, героя, всегда бравшего, пусть и ошибочно, ответственность на себя.

За роли чекистов Жженов был осыпан наградами КГБ и МВД. Получая одну из них, пошутил: «Вы мне за это хотя бы место солнечное дадите в камере, если снова посадите?» За последние 17 лет он сыграл только в «Незримом путешественнике» (1998) Игоря и Дмитрия Таланкиных: говорил, что приглашают сниматься «в том, что я презираю, ненавижу и ненавижу». В 2000 году ему открыли памятник в Челябинске; он не знал, «смеяться или плакать», испытывая лишь неловкость. Давали одну за другой награды «За честь и достоинство»: ну а какую формулу можно было еще приложить к этому невероятному человеку и актеру? Плавал в море, пил водку, работал в комиссии по помилованию, сетовал, что «только вот-вот перестал ухаживать за девушками», «присматривался» к Путину взглядом старого лагерника и горячо радовался «актам возмездия» обиженных властью людей.

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ